

Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления

© 2020

Мария Дмитриевна Воейкова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
Россия; maria.voeikova@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена структурным особенностям русских диминутивов (слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами) на основе их корпусного анализа. Обзор состояния разработки проблемы включает описание семантических, прагматических и структурных функций диминутивов в отечественных и зарубежных исследованиях. Материалом послужила рандомизированная выборка диминутивных дериватов из основного и устного подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Наиболее частотные из них далее анализировались с точки зрения унификации финалей, которая рассматривается как одна из причин распространения диминутивов в русском языке наряду с другими структурными функциями, такими как упрощение системы склонений и унификация акцентных парадигм. Попутно приводятся данные о сравнительной частотности в речи пяти различных словообразовательных моделей, размеченных в НКРЯ, а также о наборе форм распространенных в устной речи диминутивов.

Ключевые слова: диминутив, корпусная лингвистика, русский язык, словоизменение имени, словообразование

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка».

Для цитирования: Воейкова М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления. *Вопросы языкознания*, 2020, 5: 38–56.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.38-56

Structural functions of diminutives and their productivity in modern Russian

Maria D. Voeikova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; maria.voeikova@gmail.com

Abstract: Diminutives (or derivatives with suffixes expressing small size and/or affection) are analyzed in regard of their structural functions with the help of corpus methods. The summary of traditional and recent studies comprises the main semantic, pragmatic and structural functions of diminutives provided by Russian and foreign scholars. The study is based on a randomized list of diminutive derivatives from the Main and the Oral Subcorpora of the Russian National Corpus (RNC). The most frequent diminutives from the list were examined to illustrate the structural function of rhyming of the final syllable that might be a purpose of their productivity in Russian language alongside with such structural functions as the simplification of the system of declension types and accentual homogeneity. Quantitative data on the corpus frequency of five derivational patterns tagged in RNC and on the set of forms of frequent diminutives are provided.

Keywords: corpus linguistics, derivation, diminutive, nominal inflection, Russian

Acknowledgements: This work is supported by Russian Science Foundation (project No. 18-012-00650 “Semantic categories in the grammatical system of Russian language”).

For citation: Voeikova M. D. Structural functions of diminutives and their productivity in modern Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 5: 38–56.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.38-56

1. Семантическое и прагматическое истолкование диминутивов

Основная цель этой статьи состоит в том, чтобы при помощи анализа данных НКРЯ уточнить параметры частотности диминутивных дериватов в современном русском литературном языке и в его разговорной разновидности и описать набор их структурных функций. В лингвистической литературе подробно описаны различные семантические и прагматические оттенки и коннотации, связанные с употреблением уменьшительно-ласкательных суффиксов, однако они не объясняют того обстоятельства, что частотность диминутивов даже в родственных и похожих по грамматическому строю языках может значительно различаться. Разгадка этой тайны, на наш взгляд, скрывается в области морфонологических предпочтений и тех грамматических преимуществ, которые характерны для диминутивных дериватов. Статья построена следующим образом: во введении дается краткое изложение основных сведений о диминутивах и истории их описания в отечественной традиции, во втором разделе русские диминутивы рассматриваются на фоне аналогичных образований других языков, третий раздел посвящен структурным особенностям и преимуществам русских диминутивов, в четвертой части отражены особенности составления выборки диминутивов из НКРЯ, пятый раздел описывает наиболее частотные диминутивы из выборки, в шестом разделе анализируются «немотивированные» диминутивы, которые легко можно было бы заменить симплексами без ущерба для смысла, седьмая часть посвящена разнообразию грамматических форм диминутивов, в заключении формулируются выводы и перспективы развития темы.

Русский язык, как и другие славянские и балтийские языки, богат диминутивами¹ — дериватами с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Они могут быть образованы от существительных (*зайчик, мишенька*), прилагательных (*желтенький, нежненький*), наречий (*теплехонько, хорошоохонько*), изредка от глаголов, которые при этом склонны переходить в неизменяемые вербоиды (ср. *кушенькать* и *спатеньки, ростиньки, баиньки*) и междометий (*аюшки, божечки*). Ведущую роль в этом перечне играют существительные: именно на них падает основная прагматическая нагрузка и оценочные коннотации уменьшительных суффиксов, которые далеко не всегда являются ласкательными, а выражают целый спектр дополнительных значений. Более того, именно существительные с уменьшительными суффиксами вызывают «цепную реакцию» употребления диминутивных прилагательных, а часто и других частей речи с оценочными суффиксами. Так, описывая формы субъективной оценки качества у прилагательных, В. В. Виноградов вслед за Н. И. Гречем и А. А. Потебней подчеркивает, что «относясь к существительному в уменьшительно-ласкательной форме, прилагательные на *-енький, -онький* выражают своеобразное экспрессивное согласование с ним» [Виноградов 1947: 240]. Возможность «согласования существительного и прилагательного в диминутивности» в современном языке описана М. В. Русаковой [1999; 2004; 2013: 359–363]. Диминутивы — одна из самых частотных словообразовательных моделей русской устной речи с точки зрения встречаемости (token

¹ Я придерживаюсь написания термина *диминутив*, отдавая себе отчет в том, что альтернативное написание *деминутив* также допустимо.

frequency)². Таблица 1 представляет подсчеты встречаемости, сделанные по основному и устному подкорпусам НКРЯ для доступных поиску словообразовательных моделей, которые в НКРЯ размечены как семантические классы слов. Дополнительно в ней представлена частотность моделей на миллион словоупотреблений и процент производных каждой модели от общего числа существительных в данных корпусах.

Таблица 1

**Частотность словообразовательных моделей
в основном и устном подкорпусах НКРЯ³**

Словообразовательная модель (семантический класс в НКРЯ)	Количество вхождений		Частотность (ipm / % от всех им. сущ.)	
	Основной корпус	Устный корпус	Основной корпус	Устный корпус
Nomina agentis	1 627 817	43 927	5652 / 1,7 %	3379 / 1,3 %
Диминутивы	1 308 922	45 723	4544 / 1,4 %	3517 / 1,4 %
Феминитивы	797 089	22 435	2767 / 0,8 %	1725 / 0,6 %
Сингулятивы	28 546	753	99 / 0,03 %	58 / 0,02 %
Аугментативы	20 565	399	71 / 0,02 %	31 / 0,01 %

Данные таблицы 1 дают приблизительное представление о распространенности диминутивов в русском языке⁴. Они занимают второе место в списке наиболее частотных словообразовательных моделей, причем в отличие от всех остальных частотных семантических классов, кроме аугментативов, они не обязательны: производное и производящее могут относиться к одному и тому же референту, так что высокая встречаемость диминутивов особенно заметна в устной речи, которая дает говорящему большую свободу в выборе номинации. Между тем их общая доля, по нашим подсчетам, совсем не так велика, как мы ожидали: так, подсчеты показали равную долю диминутивов в основном и устном корпусах (ср. данные о количестве диминутивов в речи, обращенной к детям, в разделе 2). Пока что невозможно сходными методами оценить словарную частотность диминутивов в леммах (lemma frequency), так как они непоследовательно зафиксированы в словарях и часто образуются от имен собственных [Schiller 2007: 67–85]. Это связано с их промежуточным статусом на шкале формоизменения и словообразования.

Вопрос о том, являются ли диминутивы формами слов или новыми словами, не получил однозначной трактовки в классических русских грамматиках [Виноградов 1947: 112–115; Roussakova 2004; Русакова 2013: 348–351; Воейкова 2013: 143–147]. Сравнивая диминутивизацию с прототипическими фактами формо- и словообразования, описанными в [Dressler 1989], следует признать, что она располагается в центре континуума явлений, полюса которых представлены флексией и деривацией. Именно поэтому для описания их места в морфологической системе часто используют промежуточные термины — «словоизменение» или «формообразование». Для дериватов, занимающих такое положение

² Сердечно благодарю анонимных рецензентов статьи за их многочисленные замечания и предложения, которые я постаралась максимально учесть. Таблица 1 была сделана в ответ на одно из таких замечаний. Конечно, только я несу ответственность за содержание статьи.

³ Данные в таблице 1 рассчитывались по корпусам с неснятой омонимией. Приведенные данные проверены 27.06.2020. На момент получения данных общий объем основного корпуса составлял 288 727 494 слова, устного корпуса 13 001 271 слово; количество им. сущ. в основном корпусе 95 396 151, в устном — 3 278 048.

⁴ Здесь мы принимаем во внимание погрешность семантической разметки НКРЯ, которую приблизительно можно оценить в 8–9 %. Оценка погрешности представляет собой средний процент ошибок в трех случайных выборках по 100 слов из списка [Воейкова 2009: 364–365].

между формо- и словообразованием, характерно непоследовательное отражение в толковых словарях.

Доля диминутивов в речи зависит от предпочтений говорящего и — отчасти — от темы сообщения. В примере (1) говорящий (женщина) демонстрирует заметную склонность к их использованию в контексте положительной оценки:

- (1) *У меня такая бабушка красивая. Она себе такой **платочек** завяжет красиво. И такой у неё **халатик**: в гости едет — берёт с собой всё своё, даже **полотенчико** своё. А когда **девчонкам** приходилось сталкиваться уже воочию с ней, что она это самое...* [Рассказ женщины о своих родных (2011)]⁵.

Употребление диминутивов в (1) явно имеет прагматические цели. Речь идет не о малом размере объектов или юном возрасте протагонистов: упоминая своих знакомых «девчонок», женщина подчеркивает приятельские отношения с ними, а говоря о бабушке и ее вещах (*халатике, платочке, полотенчике*), демонстрирует свою привязанность и, вероятно, передает особенности речи самой бабушки. Диминутивы часто встречаются в речи, обращенной к детям, пожилым людям, домашним питомцам или возлюбленным, обозначая предметы «своего» интимного мира, который существует в сфере говорящего и слушающего [Протасова 2001: 85]. Связь между семантической функцией обозначения малого размера и различными оценочными и эмоциональными коннотациями, которые могут варьироваться от умиления до уничижения в зависимости от контекста, отмечалась многими исследователями, писавшими «о малом и милом» [Воротников 1988; Фуфаева 2017: 35–43], ср. также идею В. Г. Гака [2000] о том, что диминутивные суффиксы у «гастрономических» и некоторых других диминутивов вызывают представление о том удовольствии, которое говорящий связывает с названным референтом.

Однако исходно семантического толкования всего спектра диминутивных значений и употреблений явно недостаточно. Оно не объясняет тех случаев, когда диминутив и симплекс абсолютно взаимозаменяемы, и не может лежать в основе тех эстетических претензий, которые многие носители языка предъявляют любителям уменьшительно-ласкательных суффиксов. Ведь если за этими дериватами закреплена особая семантика, как можно было бы требовать, чтобы носители языка поменьше их употребляли? Очевидно, что за частотностью диминутивов в некоторых языках стоит целый комплекс причин. Многие авторы вслед за В. Дресслером и Л. Мерлини Барбарези [Dressler, Merlini Barbaresi 2001; Savickienė, Dressler 2007] отмечают прагматический характер выбора диминутивов в некоторых контекстах, например при минимизации просьбы. Эта функция отмечалась во многих языках — итальянском, греческом, литовском (см. ссылки в разделе 2); минимизация просьбы давно и широко представлена и в русском языке.

- (2) *С виду такой тихенький, говорит так деликатно: «Одолжите **ножичка** починить **перышко**», — а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе* [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего].

Пример (2) показывает, что во времена Гоголя использование диминутивов для этой цели воспринималось как речевая характеристика определенного стиля поведения. Избыток диминутивов в речи персонажей Гоголя и Салтыкова-Щедрина, возможно, лежит в основе неприятия этого стиля частью образованных людей и в XIX в., и сегодня.

Помимо смягчения просьбы к прагматическим функциям относится демонстрация дружеских, неформальных отношений (3) или услужливости, желания угодить клиенту (4).

- (3) Виктор Германович: *Хоть немножко свои **коленочки**! Чтобы видно было, то тебя же не видно — одна рука на **коленке*** [Разговор за праздничным столом в деревне (2007)].

⁵ Все примеры взяты из НКРЯ. Там, где это не мешает интерпретации примера, я заменила знаки пауз в устной речи подходящими знаками препинания.

(4) Продавец: *Подсказать Вам что-нибудь? Библиотечку?*

Покупатель: *Вот так или только одну стенку, а тут будет стол вот.*

Продавец: *И один **шкафчик** передвигается по их основанию. Вот глубина: если два вот этих **шкафчика** делать, то по двадцать пять глубиной; то общий габарит получается пятьдесят. Она влезает — посмотрите журналы лежат на **полочке**, вот как раз это глубина двадцать пять [В мебельном магазине (2007)].*

Прагматические функции постепенно становятся центральной темой исследования русских диминутивов; так, М. Шиллер подробно анализирует иронические оттенки их употребления, а также социальные роли участников коммуникации, подчеркивая оттенки неравноправия, возникающие при их употреблении малознакомыми людьми [Schiller 2007: 154–159]. Демонстрация зависимости, оттенок подобострастия, который иногда возникает при общении обслуживающего персонала с клиентами, служит причиной негативной оценки диминутивов и непримиримой борьбы с их избыточным употреблением некоторых образованных носителей русского языка, см. статью Е. Барабаш [2011], где журналистка выступает против неоправданного, по ее мнению, применения уменьшительно-ласкательных наименований в речи диспетчера такси. Неодобрительное отношение к их избыточному использованию, вероятно, закрепилось у носителей русского языка с XIX в., когда они служили яркой характеристикой идиостиля.

Л. П. Крысин рассматривает избыточное употребление диминутивов как один из признаков так называемого «просторечия-2», которое он определяет, в частности, как речь «выходцев из сельской местности, (...) осевших в городе; и уроженцев городов, находящихся в тесном диалектном окружении; и жителей крупных городов, не имеющих среднего образования и занятых физическим трудом» [Крысин, Дешериев 1989: 62]. Такая же социальная характеристика носителей просторечия-2 дана и в последующих работах Крысина [2003: 65; 2008: 23]. Это заявление нуждается в уточнении. Трудно себе представить, чтобы в 1989 г. значительное количество жителей крупных городов не имело среднего образования. В работе 2008 г. в качестве иллюстрации этих положений приводятся примеры из речи медсестры, официантки и парикмахера, которые не относятся ни к одной из перечисленных групп: нельзя заподозрить их в отсутствии среднего образования, а о тесном диалектном окружении ничего не известно, к тому же нет данных о том, что в каких-либо диалектах наблюдается повышенная доля диминутивов в потоке речи.

Избыточное употребление уменьшительно-ласкательных существительных требует многоаспектного анализа и не сводится к оценочной характеристике с позиций нормы и ее нарушения. Дело не в образованности или диалектном влиянии, а в том, что стремительно возникшие в конце XX в. стереотипы обслуживания клиентов были основаны на неудачных образцах речевого поведения, которые поспешно сформировались в этой среде или были неуклюже калькированы. Очевидно, что эти правила меняются и будут меняться в соответствии с запросами общества, а высокая частотность диминутивов в русском языке нуждается в изучении и беспристрастном объяснении.

Диминутивы неоднородны: некоторые из них значительно расходятся по семантике с симплексами и приобрели новое, некомпозиционное значение, ср.: *невестка, сетка, ручка, трубка*. Другие легко выводятся из семантики симплекса, ср.: *ребенок, тряпочка, листик, ведерко*, а во многих случаях между диминутивом и симплексом фактически нет никакой семантической разницы, и их употребление объясняется прагматическими условиями: одни и те же предметы говорящий в одной ситуации назовет *книжкой, водочкой, селедочкой, колбаской*, а в другой ситуации — *книгой, водкой, селедкой, колбасой*. Употребление уменьшительных суффиксов в прагматических целях или для передачи эмоционального отношения приводит к «выцветанию» диминутивной семантики и в конечном итоге — к семантическому тождеству диминутива и симплекса. Семантическое разнообразие и возможность образовать производные с этими суффиксами практически

от любого предметного существительного обусловили их потенциально высокую частотность не только в неформальной, но и в формальной устной речи.

Во многих случаях использование диминутивов может быть вполне уместным по разным причинам, в том числе и скрытым от носителей языка. Одна из этих скрытых причин — их фонетическая выделенность (*salience*), которая способствует коммуникации в условиях плохой слышимости — например, в магазине, салоне красоты или в поликлинике, где несколько человек могут говорить одновременно. Именно это, вероятно, объясняет их частотность в телефонных переговорах диспетчеров, что вызвало негативную реакцию журналистки. Между тем формальные особенности диминутивов попадают в поле зрения лингвистов не так часто и обычно не рассматриваются с точки зрения языковых предпочтений говорящих или тех преимуществ, которые имеют диминутивные дериваты по сравнению с симплексами.

Во многих работах перечисляется обширный репертуар русских диминутивных суффиксов [Bratus 1969; РГ 1980; Schiller 2007: 392–393], содержащих сходные компоненты в финали. А. К. Поливанова [1967; 2008], рассматривая формальные правила выбора трех наиболее продуктивных уменьшительных суффиксов (*-ик*, *-чик*, *-ок*), обращает внимание на то, что у диминутивов м. р. не отмечается сдвига ударения при склонении. Х. Олмстед [Olmsted 1994] замечает, что использование диминутивов позволяет «избавиться» от слов непродуктивного женского склонения на согласный (ср. *мышь* → *мышка*). Иными словами, употребляя диминутивы, говорящие по-русски пользуются определенными морфологическими удобствами, система формоизменения диминутивов оказывается логичнее, проще и предоставляет некоторые «бонусы» по сравнению с более сложной, разнообразной и противоречивой системой формоизменения симплексов. Эти преимущества становятся особенно привлекательными в процессе усвоения языка: так, многочисленные работы В. Кемпе и П. Брукс с различными соавторами демонстрируют в экспериментах, что русские дети лучше и быстрее усваивают род диминутивов, нежели симплексов [Kempe, Brooks 2005; Kempe et al. 2001; 2003; 2007]. Аналогичные выводы относительно категории падежа делаются в работе [Protassova, Voeikova 2007] на основании анализа лонгитюдных данных спонтанной речи. Все эти наблюдения показывают, что скрытые структурные преимущества диминутивов могут быть одним из факторов, обеспечивающих их частотность и продуктивность не только в русском языке, но и в типологическом контексте.

2. Русские диминутивы на фоне данных других языков

Семантические, прагматические и структурные аспекты употребления диминутивов рассматривались в последние десятилетия на материале различных языков и позволили обнаружить как общие черты, так и значительные расхождения даже между близкородственными языками. Представление о том, что в основе распространения диминутивов во всех основных функциях лежит семантическое представление о малом размере, «детскости» или «женскости», сформулировано Д. Журафски [Jurafsky 1996]. Метафорически и метонимически эти особенности семантики переносятся на другие сферы употребления, порождая новые значения. Журафски таким образом подчеркивает семантическую составляющую диминутивных употреблений, тот факт, что прототипическое представление о малом размере во многих случаях вызывает и различные (обычно положительные) коннотации и часто служит вполне определенным целям. Так, для диминутивов во многих языках, например в итальянском, испанском, греческом, немецком, характерна функция смягчения просьбы [Dressler, Merlini Barbaresi 1994; 1999]. Это обстоятельство позволило В. У. Дресслеру и Л. Мерлини Барбарези выдвинуть гипотезу о преобладании у диминутивов прагматических (а не семантических) функций [Dressler, Merlini Barbaresi 2001]. Прагматическое употребление диминутивов опционально; их обычно можно заменить

симплексами без ущерба для общего смысла высказывания. Именно поэтому частое употребление диминутивов является признаком идиостиля или определенного регистра речи.

Перевод высказываний с диминутивами на другие языки совсем не обязательно будет содержать такое же количество уменьшительных суффиксов, как русский оригинал. По данным В. Кемпе, П. Брукс и их соавторов, доля диминутивов в речи матерей, говорящих по-литовски, по-русски и по-испански, превышает 40 % от всех существительных, в то время как в обращенной к детям речи немецких женщин она составляет всего около 3 % [Kempe et al. 2001; 2007: 321]. В нашей работе, основанной на лонгитюдном исследовании речи двух русских детей и их родителей, данные сильно различались: одна из матерей употребляла около 50 % всех существительных в диминутивной форме, другая мать нарочно избегала их и не поощряла их употребления у девочки [Protassova, Voeikova 2007: 58–59]. Эти различия в частотности привлекают внимание лингвистов и заставляют описывать специфику употребления уменьшительно-ласкательных наименований в каждом конкретном языке. Доля диминутивов в речи матери, говорящей по-нидерландски, стабильно находится около отметки в 20 %, а временами превышает 30 % [Gillis 1997: 171], что контрастирует с данными близкородственного нидерландскому немецкого языка (3 %), приведенными выше. Ср. также замечание о том, что в детской литературе на нидерландском диминутивы встречаются на каждой странице [Либерт 2017: 57]. Напрашивается предположение, что увеличение доли диминутивов в речи, обращенной к детям, вызвано требованиями языковой структуры, так как прагматическая ситуация и семантическое содержание речи матери, обращенной к маленькому ребенку, сходно в разных языках. Более того, даже социальный статус матерей, речь которых записывали коллеги, был сопоставим: это женщины с высшим образованием, принадлежащие к среднему классу по доходам. Следовательно, объяснение различной частотности этих образований в немецком и нидерландском языках лежит за гранью семантики и прагматики и связано, по нашему предположению, с особенностями грамматической системы.

Нидерландские диминутивы в структурном отношении упрощают систему имен, переводя все существительные в средний род (см. [Либерт 2017: 57] и приводимую ею литературу). Однако само по себе это упрощение не может быть объяснением: тяготение диминутивов к среднему роду отмечено во фризском диалекте, стандартном немецком, в языке меннонитов плотдич и в идише [Там же: 79], что, как мы видели, не обязательно влияет на частотность их употребления. Наиболее существенными отличиями именной системы нидерландского языка от немецкого можно считать следующие: 1) в нидерландском отсутствует изменение по падежам (за исключением некоторых остаточных явлений); 2) система родовых форм стремится к противопоставлению двух грамм — смешанного мужского / женского и среднего, хотя в стандартном письменном языке мужской и женский род до сих пор выделяются; 3) система падежного изменения прилагательных утрачена в последние 100 лет (данные приводятся по книге [Миронов 2001]). Иными словами, бурное развитие диминутивов в нидерландском языке происходит рука об руку с утратой системы склонения и элементов грамматической классификации имен существительных и прилагательных, в особенности в устной речи, которая значительно отличается от письменной. Вопрос о причинах распространения диминутивов в том или ином языке, таким образом, остается в значительной степени нерешенным. Существенно, что исследователи обращают внимание на значительные различия между устной и письменной формой нидерландского языка, что в целом нехарактерно для стандартного немецкого. Возможно, именно нечеткость произношения нидерландского языка и лежит в основе предпочтения диминутивов симплексам.

Различиям в употреблении диминутивов между близкородственными германскими языками (такими как нидерландский и стандартный немецкий) соответствуют и данные некоторых славянских языков. И. Васева [2006: 14–15] на основе анализа десяти русских романов и их переводов на болгарский язык убедительно показывает, что количество диминутивов в болгарских переводах в среднем в полтора раза меньше, чем в русских

оригиналах. В болгарском языке также меньше распространены уменьшительно-ласкательные прилагательные и наречия. Различия проявляются и в сравнительной бедности суффиксального инвентаря диминутивов болгарского языка, меньшем наборе семантических оттенков, передаваемых этими дериватами, более низком коэффициенте «семантического согласования» прилагательных и существительных, одновременно употребленных с уменьшительными суффиксами (типа *малюсенький домик*) [Там же: 93–176]. Васева объясняет эти соотношения повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, характерной для русского языка, и показывает, что точный перевод всех эмоциональных нюансов может привести к стилистическому искажению текста. «Отражение всех русских УС (уменьшительных слов) в болгарском переводе невозможно и неправильно не только потому, что нарушит нормы болгарского языка, но и потому, что текст будет звучать слащаво или экзальтированно, т. е. создаст неправильное представление о стиле автора и его произведения» [Там же: 180]. Иными словами, по мнению Васевой, для употребления диминутива в болгарском требуются серьезные основания, в русском же уменьшительные дериваты могут использоваться вместо симплексов для семантического согласования, передачи множества различных коннотаций, а иногда — как будет показано позже — с неясными целями. Данные Васевой сочувственно цитируются в работах М. Багашевой-Колевой, также посвященных сравнению литературных текстов русского, болгарского и английского языков [Bagasheva-Koleva 2013; 2014]. Утрата падежной системы в нидерландском и болгарском, на первый взгляд, не связана с частотностью диминутивов: если в беспадёжном нидерландском они заметнее более распространены, чем в сохранившем падежи немецком, то в беспадёжном болгарском употребляются реже, чем в падежном русском. При этом важно, что диминутивно богатые русский и нидерландский характеризуются значительной нечеткостью произношения в устной речи, в то время как в стандартном немецком и болгарском произношение более приближено к написанию.

Под этим углом зрения мы хотели бы рассмотреть систему диминутивов в русском языке и найти дополнительные объяснения их распространению, помимо семантических и прагматических, которые, при всей их важности, не могут, на наш взгляд, определять частотность явления в морфологической системе. То, что эти дериваты характерны для разных языков в различной степени, указывает на системно-структурные функции, которые могут быть скрыты от говорящего и находиться за пределами его осознаваемых интенций, однако играют роль в эволюции морфологической системы. Мы предполагаем, что именно они способствуют распространению диминутивов в речи.

3. Структурные особенности русских диминутивов

В психолингвистической литературе давно установлено, что диминутивы в разных языках (в том числе и в русском) обладают рядом морфонологических преимуществ [Kemper et al. 2007; Dressler, Korecky-Kröll 2015]. Эта особенность лежит в основе того, что они часто встречаются в речи, обращенной к детям (эти наблюдения на материале нескольких морфологически богатых языков собраны в книге [Savickienė, Dressler 2007]). Чаше всего речь идет об упрощении системы склонений: диминутивы относятся обычно к наиболее продуктивным словоизменительным классам существительных, ср. анализ литовских диминутивов в [Savickienė 2003; 2007]. В русском языке диминутивы позволяют избавиться от непродуктивного женского склонения на согласный (типа *дверь, мышь*) и свести всю систему к простому и фонологически мотивированному противопоставлению мужского склонения на согласный и женского склонения на *-a* [Olmsted 1994]. Другой особенностью русских диминутивов является то обстоятельство, что основные их суффиксы исторически восходят к *-ък* или *-ьк* и поэтому обеспечивают одинаковые финалы словоформ, ср.: *детки в клетке, дедка за репку, я за свечку — свечка в печку*. Выгода этого фонетического

подобия заключается в том, что падежные окончания становятся перцептивно выпуклыми и однотипными, не требуют дополнительных усилий от говорящего и легко воспринимаются слушающим. Подкрепленные конечным *-к-* диминутивных суффиксов падежные окончания помогают ребенку делить речевой поток на отдельные словоформы [Protassova, Voeikova 2007; Воейкова 2013: 132–141]. Диминутивы м. р. отличаются постоянным ударением [Поливанова 1967/2008]. Все эти особенности уменьшительных существительных позволяют им служить вспомогательным механизмом для усвоения именной морфологии русскими детьми [Kempe et al. 2003; Kempe, Brooks 2005; Protassova, Voeikova 2007; Воейкова 2015: 128–137].

Авторы исследований последних лет обращают внимание на то, что уменьшительно-ласкательные формы оказываются предпочтительнее симплексов не только в детской, но и в стандартной разговорной речи: такой конкуренции посвящена недавняя диссертация И. В. Фуфасевой [2017] об экспрессивных диминутивах. В этой работе рассматривается широкий спектр семантических и прагматических употреблений диминутивов с анализом различных суффиксов и их комбинаций и прослеживается история разработки этой темы в отечественной лингвистике. К сожалению, именно структурные особенности диминутивов не попали в поле зрения автора. Для анализа структурных особенностей мы рассмотрим в деталях конкуренцию наиболее частотных диминутивов с симплексами, а также проанализируем состав форм тех дериватов, которые регулярно встречаются в русской устной речи.

4. Количественный анализ выборки; выделение частотных лемм и словоформ

Дальнейший анализ производился не на всем массиве диминутивной выборки из НКРЯ, а на материале пользовательского подкорпуса устной неформальной речи и речи героев кинофильмов. Выбор текстов объясняется их близостью к устной неформальной речи современных носителей русского языка. Из общего массива этих текстов при помощи простой выборки с опорой на семантическую разметку мы получили более 5 300 вхождений диминутивов. Полученный список вхождений просматривался вручную и обрабатывался с помощью специальных программ⁶, чтобы получить сокращенный список наиболее частотных лемм и словоформ с уменьшительными суффиксами. Он был составлен при помощи выдачи в формате KWIC и оказался вдвое меньше, чем общее число вхождений (2 642 формы из исходных 5 354) за счет того, что список KWIC строится на основе первого вхождения из ряда примеров. Так, если в предложении содержится цепочка диминутивов, то в список попадает только первый из них, ср. (5):

(5) Покупатель: — *Да вот не знаю: видишь, одна **парочка** их всего. Они распечатанные, я боюсь [брать].*

Продавец: *Так что же бояться-то вам — распечатанные? Так какая разница, что вы придете... э... сорвете эту **бумажку** и бросите* [Разговоры в универмаге (1967)].

Из примера (5) в выборку попадает форма *парочка*, а форма *бумажку* не включена в анализ. Возможно, в дальнейшем удастся избежать этого условного ограничения. Таким образом, подсчеты в первой части анализа были произведены из сплошной выборки первых вхождений в каждом высказывании (2 642 примера). Подсчет словоформ (types)

⁶ Хочу выразить благодарность А. Главиню (Технический университет, Дармштадт) за то, что она придумала, как сосчитать словоформы при помощи R и выполнила эти вычисления. Это сэкономило массу усилий. Дальнейший анализ производился вручную по списку форм.

был произведен с помощью языка R и программы R Studio (базовые функции и пакет *xlsx*) [Dragulescu, Arendt 2018; R Core Team 2013]. Неизбежные при сплошной выборке по семантической разметке ошибочные формы были извлечены вручную. В качестве таких ошибок рассматривались омонимичные формы (например, большинство форм косвенных падежей слова *парк* попало в выборку из-за омонимии со словом *парок*); формы с омонимичными суффиксами, не имеющие уменьшительно-ласкательного значения (например, универбаты типа *молочка*, *чугунка*), лексикализованные диминутивы, утратившие симплекс (*коврижка*⁷) или потерявшие связь с мотивирующим словом (*кружка*, *коньки*), имена собственные, напоминающие диминутивы (фамилия *Роек*). Таким образом, основным критерием отсеивания для нас оказалось отсутствие мотивирующего слова или утрата связи с ним. Число отсеянных слов составило около 2 % от всех лемм (12 из 582).

Число лемм и вхождений считалось вручную с помощью обычных функций Excel. На основании всех подсчетов были сформированы частотные списки диминутивных лемм, форм и вхождений. В первой части исследования мы проанализировали самые частотные и самые редкие диминутивные леммы, чтобы узнать, какие типы диминутивов встречаются чаще всего. Во второй части были просмотрены частотные списки словоформ (*types*), чтобы узнать, есть ли какая-нибудь тенденция к употреблению уменьшительных дериватов в определенных формах.

5. Частотные диминутивы в устной речи (по данным устного корпуса НКРЯ)

В результате всех подсчетов были выделены наиболее частотные диминутивные леммы, которые встретились в выборке не менее десяти раз. Таких слов оказалось 52 (см. Приложение 1). Они относятся к нескольким функционально-семантическим подгруппам.

1. Семантика небольшого размера характерна для следующих лемм: *цветочек*, *городок*, *кусочек*, *баночка*, *дырочка*, *капелька*, *пакетик*, *садик*, *бумажка*, *домик*, *столик*, *дорожка*, *звездочка*, *собачка*, *крестик*, *стаканчик*.
2. Наименования частей тела в диминутивной форме употребляются как для обозначения небольшого размера, так и в аффектированной речи: *ручка*, *ножка*, *ушко*.
3. Специальное прагматическое употребление свойственно наименованиям еды и напитков (обычно в ситуации неформального общения): *картошка*, *водичка*, *чаек*, *яичко*, *конфетка*, *булочка*, *пирожок*, *батончик*, *шоколадка*.
4. Выражение положительных эмоций и ассоциаций характерно для следующих слов: *солнышко*, *водичка*, *цветочек*, *кофточка*.
5. Неформальное наименование друзей и родственников, в том числе и для обращения к ним: *девчонка*, *мальчишка*, *подружка*, *нянька*, *дядька*, *детка*.
6. Лексикализованное употребление (закрепление за диминутивом нового значения в ряде употреблений): *трубка*, *ручка*, *стенка*, *ножка*.

Многие слова из частотного списка попадают в разные типы употреблений. Слово *машинка* употребляется в разных значениях: и неформально, и с семантикой небольшого размера, и со специальным значением (о стиральной машине).

Все эти случаи так или иначе описывались исследователями. Подробный список семантических групп лексикализованных диминутивов, составленный И. В. Фуфайевой [2017: 190], включает «названия птиц (19 лексем); обозначения женщин (17 лексем);

⁷ Хотя исходное слово *коврига* отмечено в словарях современного русского языка, в устном под-
корпусе НКРЯ оно встретилось один раз (ср. 230 вхождений в основном корпусе), что говорит
о его постепенной утрате в живой речи.

термины родства и обозначения телесных объектов (по 12 лексем), обозначения людей низшего статуса (11 лексем), малых частей или единиц множества и растений или их частей (по 10 лексем), диких зверей (9 лексем)». Многие слова этих подгрупп, которые исходно были диминутивами, стали употребляться в нейтральном значении, вытеснив симплексы (как *лягушка* ← *лягуха*). В таких случаях речь идет об уже завершенном процессе. Однако понятно, что аналогичные явления наблюдаются и в синхронии. В устной речи распространены тройные деривационные цепочки, включающие симплекс, первичный диминутив и вторичный диминутив с удвоенным суффиксом, например: *книга* — *книжка* — *книжечка* (*книжонка*), *колено* — *коленка* — *коленочка*, *корова* — *коровка* — *коровушка* (*коровенка*), *рука* — *ручка* — *рученька* (*ручонка*). Второй компонент цепочки, содержащий единичный диминутивный суффикс, может в неформальной речи употребляться вместо симплекса, фактически утратив и диминутивное значение, и сопутствующие коннотации. Третий элемент цепочки содержит этимологически сложный диминутивный суффикс (например, *-ечк-*, *-онок-*, *-ушк-*), с которым связана положительная или отрицательная оценка. Дериваты с двойным или составным диминутивным суффиксом обычно имеют четкую положительную или отрицательную коннотацию, ср. неодобрительные *книжонка*, *коровенка*, *девчонка* и ласкательные *книжечка*, *коровушка*, *девчоночка*.

В диссертации Фуфаевой [2017: 11] высказано предположение, что экспрессивные диминутивы определенных групп со временем вытесняют симплексы. На наш взгляд, процесс вытеснения не связан с экспрессивностью. Во-первых, непонятно, почему говорящие должны экспрессивно употреблять для обозначения обыденных вещей предпочтительно нейтральному, а во-вторых, вторые элементы рассматриваемых деривационных цепочек («первичные» диминутивы) как раз не несут выраженной дополнительной экспрессии. Исторически «удвоенные» диминутивы (третий элемент цепочки) в большей степени связаны с оценкой и не конкурируют с симплексом, как первичные диминутивы, оценочная коннотация которых неочевидна (ср. прагматическое употребление слова *бумажка* в примере (5) выше).

Среди частотных форм нам встретилось, на первый взгляд, немотивированное употребление следующих первичных диминутивов: *книжка*, *печка*, *свечка*, *коленка*, *тетрадка*, *сковородка*, *тапочка*, *мишка*, *ступенька*, *дырка*. В этом случае между диминутивом и симплексом часто нет ощутимой семантической разницы, однако в устной речи говорящие предпочитают диминутив, см. (6).

- (6) 36, преподаватель, № 2, муж: *Есть книжка на английском языке, описывающая экспедицию 1987 года, известная большим количеством погибших* [Совещание альпинистов, Бишкек (2000–2005) // Интернет].

Эти слова будут рассмотрены более подробно. Наше объяснение вытекает из общего внимания к структурным преимуществам диминутивов, поэтому мы должны сравнить частотность их употребления и соотнести с их структурными параметрами.

6. Немотивированные диминутивы и особенности их строения и употребления

В список частотных немотивированных диминутивов вошли десять слов (см. список выше), которые не связаны ни с малой величиной, ни с особыми прагматическими условиями употребления. Мы старались выбрать те слова, у которых семантическая разница между диминутивом и симплексом не зафиксирована в словарях и которые сопоставимо часто (по сравнению с симплексом) употребляются в диминутивной форме. Именно эти слова с наибольшей вероятностью обладают структурными (морфонологическими) особенностями, которые поддерживают их частотность в устной речи.

Таблица 2

**Количество употреблений немотивированных диминутивов
в подкорпусе неформальной устной речи⁸**

Симплекс	Кол-во	Диминутив	Кол-во
Книга	482	Книжка	426
Печь	89	Печка	84
Свеча	24	Свечка	56
Колено	71	Коленка	43
Ступень	10	Ступенька	24
Дыра	14	Дырка	49
Тетрадь	60	Тетрадка	44
Сковорода	4	Сковородка	37
Тапка	21	Тапочка	47
Медведь	59	Мишка	71

Контексты показывают, что в некоторых парах семантические различия все же ощущаются. Так, симплекс *ступень* в 8 из 10 контекстов означал «уровень в развитии чего-нибудь», а не «один из выступов лестницы»⁹. У слова *колено* выделено 8 различных значений, а диминутив от этого слова соответствует только первому из них: «сустав, соединяющий бедренную и берцовую кости; место сгиба на ноге, где выступает этот сустав». *Дырка* соответствует симплексу *дыра* только в прямом значении — «прорванное или проломанное отверстие», а симплекс в 10 из 14 примерах устной речи употреблен в сочетании *черная дыра*. Во всех четырех примерах со словом *сковорода* речь шла о предмете большого размера. Интуитивное представление о большей распространенности диминутивов по сравнению с симплексами этих слов подтвердилось только в 6 случаях из 10. Между тем сравнительно небольшой размер подкорпуса неформальной речи позволяет предположить, что количественные соотношения могут значительно измениться. Поэтому мы рассмотрели все избранные диминутивы с точки зрения морфонологических свойств их финалей.

Наше предположение состоит в том, что диминутивы вытесняют те симплексы, которые имеют необычные финали. Так, слово *книга* по сходству финали попадает в один ряд с 19 словами, большинство из которых либо вообще непонятно современникам, либо имеет узкую сферу употребления (ср.: *свербига, жига, прожига, выжига, визига, лига, кá-лига, чилига, кулига, книга, рига, коврига, квадрига, верига, интрига, расстрига, фи́га, ши-ши́га*)¹⁰. Из этих слов только *рига, коврига, квадрига, верига, интрига, расстрига* и *фи́га* являются употребительными: не случайно *коврига* в значении «каравай» уже фактически утрачено, а производное *коврижка* закрепилось в особом значении.

Печь, тетрадь и *ступень* относятся к непродуктивному женскому склонению на согласный, о разрушении которого путем диминутивизации в детской речи писал Олмстед [Olmsted 1994]. *Печь* соотносится с пятью существительными с аналогичной финалью (*го-речь, течь, речь, картечь, электропечь*), при этом такое же окончание имеют 129 глагольных инфинитивов. Межчастеречная омофония невыгодна для восприятия речи, возможно,

⁸ Подкорпус неформальной устной речи, заданный в рамках устного корпуса, содержал 2 030 166 словоформ.

⁹ Все толкования даны по <http://ozhegov.info/slovar/>, дата обращения 29.06.2020.

¹⁰ Анализ всех финалей и выделение списков слов проведены по [Зализняк 1977].

поэтому производное *печка* оказывается более употребительным. Финаль *-адь* наряду со словом *тетрадь* имеют 9 существительных (*кадь, падь, гладь, кладь, лошадь, лецадь, площадь, жилплощадь*). Фонетически такую же финаль имеют и слова на *-ать*, однако и без подсчетов понятно, что на несколько существительных типа *кровать* приходится сотни глаголов. Для слова *ступень* находится более 80 существительных с аналогичной финалью, но только 24 из них женского рода, ср. *ремень* и *голень*. Нежелательная омоимия с глаголами в первых двух случаях и путаница в роде в третьем случае, вероятно, являются причиной того, что употребителен диминутивный вариант, не допускающий колебаний в роде, как в словах *глень, рамень, кипень, шагрень*, которые не все носители языка легко отнесут к ж. р. Слово *медведь* в сопоставлении с *мишка* также имеет редкую финаль (20 аналогичных слов) [Воейкова 2013: 134]. На *-еча* кончается всего 5 русских существительных, причем только у слова *свеча* *-е*- безударное (ср. *сеча, предтеча*), что и объясняет предпочтение формы *свечка*.

Дыра́ имеет сходную финаль со словами *проныра* и *фуфыра*, причем у обоих ударение падает на основу. В принципе, можно сопоставить слово *дыра́* также с *жара́, муштра́, кобура́, бура́, кожура́* и т. д., т. е. со словами, оканчивающимися на *-ра́*, относящимися к акцентной схеме 1b в классификации А. А. Зализняка. Таких слов в словаре оказалось 22, причем многие из них редки или вовсе непонятны без пояснения (ср. *снежурá, мездра́, богара́, джугара́* и т. д.).

Всего 32 слова кончаются на *-ода*, как *сковорода*, а если учесть омофонию, то следует принять во внимание и 80 слов на *-ада*, однако при этом нужно заметить, что из этих 80 слов только у двух архаичных (*брада* и *страда*) ударение падает на последний слог, у 78 — на предпоследний (типа *бравада, армада*). Становится понятно, почему *сковорода* предпочитает превратиться в *сковородку* и слиться таким образом со словами типа *красотка, селедка*. В свете сказанного также неудивительно, почему *селедка* в устной речи вытесняет слово *сельдь* — оно единственное в русском языке с такой финалью. Идея Фуфаевой [2017: 183] о том, что симплексы сохраняются в официальной речи в качестве, например, формальных наименований продуктов, вполне согласуется с нашими данными: в официальной письменной речи фонетическое созвучие финалей не играет такой существенной роли, как в устной неформальной беседе. Читая инструкцию, мы воспринимаем слово графически, и ему не требуются дополнительные частеречные или родовые маркеры, которые незаменимы в ситуации неформального общения при ограниченной слышимости.

Из списка необязательно употребляющихся диминутивов остаются *коленка* и *тапочка*. Слов на *-ено* всего 4: *вено* (выкуп за невесту), *звено, колено* и *полено*. При этом безударное окончание (у всех, кроме *звено*) делает их похожими на женский род (ср. *Лена, пена*), а такая омофония затрудняет как опознание слов, так и их склонение (ср. описание того, как трудно осваивается средний род детьми в [Цейтлин 2009: 151]). Возможно, в этом причина диминутивизации слова *колено* и последующего перехода его в продуктивное женское склонение.

Форма *тапочка* — единственная из десяти наиболее частотных, для которой морфологическое преимущество диминутива неочевидно. *Тапочка*, как и *тапка*, в обыденной речи постоянно колеблется между ж. р. и м. р, ср. просторечное **тапок, *тапочек*. Диминутивная форма не помогает ни выяснению родовой принадлежности, ни фонетической выпуклости окончания: симплекс также имеет распространенную финаль, восходящую к *-ьк*. Аналогичная ситуация наблюдается у всех диминутивных форм с двойным суффиксом: *картошечка, морковочка, селедочка, петрушечка* и т. д. не имеют никакого формального преимущества перед исходными формами с одиночным суффиксом. Возможно, в этом случае, действительно, речь идет о «выцветании» первичного диминутивного значения, которое усиливается при помощи вторичной суффиксации, тем более что большинство примеров относится к категории продуктов питания, в которой диминутивы встречаются часто по разным прагматическим причинам. Итак, 9 лемм из 10 наиболее частотных при помощи диминутивной формы переходят в продуктивные классы русских существительных. Для большей ясности картины мы должны обратить внимание также на список наиболее частотных диминутивных форм (types).

7. Частотные формы диминутивов и предпочтения в этой области

Список наиболее частотных форм, составленный с помощью программы R, позволяет судить о том, есть ли в их употреблении какие-либо формальные предпочтения (см. Приложение 2). Всего нам удалось получить 1 176 различных (на письме) форм из уже упомянутой выдачи в 2 642 примера. Эти формы приходятся на 582 леммы. В среднем это означает, что диминутивы употребляются в более чем двух различных формах, однако на деле у многих из них отмечена только одна форма (например, им. или вин. п. мн. ч. *устики*, *уточки*, *шторки*, *холмики*, *туфельки* и т. д.), в то время как другие образуют мини-парадигмы из нескольких форм, каждая из которых повторяется неоднократно. Так, самая частотная лемма *девчонка* отмечена в следующих формах: *девчонки* (51), *девчонка* (25), *девчонок* (15), *девчонкам* (7), *девчонками* (7), *девчонку* (7), *девчонкой* (6), *девчонке* (3). Следовательно, это слово встречается в различных синтаксических позициях. Это не общий, но распространенный случай. Значительное богатство форм (более четырех) отмечено у 59 лемм: *баночка*, *батарейка*, *денежки*, *бумажка*, *бутылочка*, *городок*, *зайчик*, *звездочка*, *картошка*, *книжка*, *кнопочка*, *коленка*, *конфетка*, *коробка*, *кофточка*, *крючок*, *кусочек*, *лампочка*, *листочек*, *ложечка*, *мальчишка*, *машинка*, *мишка*, *морковка*, *мультик*, *мышка*, *ножка*, *нянька*, *пакетик*, *палочка*, *пальчик*, *пирожок*, *платочек*, *подружка*, *полочка*, *пятерочка*, *ребеночек*, *рожки*, *ручка*, *рыбка*, *садик*, *свечка*, *сережка*, *сетка*, *сковородка*, *стенка*, *столик*, *страничка*, *строчка*, *ступенька*, *сумочка*, *трубка*, *тряпочка*, *тумбочка*, *чаек*, *шапочка*, *шнурок*, *шоколадка*, *яичко*. Все эти слова называют предметы обихода, продукты питания или представляют собой неформальные наименования лиц. Большинство частотных диминутивов за пределами этого списка употребляются в двух-трех формах.

Однако есть и необычные случаи. Так, форма *вечерком* встречается 9 раз и противопоставлена единственной форме *вечерку*, что говорит о ее наречном характере. При этом симплекс в той же форме *вечером* встречается значительно чаще (250 вхождений). Иными словами, диминутив специализирован для наречной функции, но не вытесняет симплекс.

Форма *чайку* отмечена 13 раз и 5 раз — форма *чаёк*, что говорит о преимущественном употреблении родительного отделительного в ситуации предложения или просьбы, ср. (7):

(7) 45, преподаватель, жен.: *Ань, налей мне чайку, пожалуйста* [Разговор за чаем (1989)].

Второй родительный от симплекса *чаю* в том же подкорпусе встретился 44 раза. И в этом случае можно говорить о специализации формы косвенного падежа, но не о вытеснении симплекса. Грамматическая специализация обычно свидетельствует о прагматическом характере употребления диминутива, так как речь идет о повторяющихся внеязыковых ситуациях. Важно, что в обоих случаях (*вечерком* и *чайку*) диминутивы м. р. имеют в им. п. ударение на последнем слоге, перемещающееся на флексию в косвенных падежах (вспомним важное наблюдение А. К. Поливановой о постоянстве ударения у диминутивов м. р.), что повышает перцептивную выпуклость формы. Из перечисленных выше больших парадигм ударное окончание наблюдается только у слов *городок*, *крючок*, *пирожок*, *шнурок*, т. е. менее чем в 2 % слов с числом форм более 4. Закрепление форм с ударными окончаниями в определенной функции в целом свидетельствует о том, что диминутивы поддерживают систему падежных противопоставлений в устной речи, о слабости которой косвенно говорят разные факты. Так, экспериментальные исследования показывают высокую (до 95 %) восстанавливаемость русских падежных флексий по контексту [Ягунова 2008].

Заметна асимметрия падежных форм, например: у диминутивов от названий части целого (*половинка*, *четвертинка*) ожидаемо преобладает вин. п., так как они часто употребляются в ситуации просьбы, ср. (8):

(8) — *Половинку круглого и четыре за семь*. Продавец: *За семь не очень свежие*. — *Ну ладно* [Разговоры в магазине (1971–1977)].

Во всем списке словоформ встретилось мало косвенных падежей с окончанием *-е* (например, дательного ж. р. или предложного любого рода) — всего 63 формы (types), или 5 % списка. Эти наблюдения требуют проверки и интерпретации. Предварительно можно заметить, что в минипарадигмах, которые встречаются у большинства лемм (не самых частых и не самых редких), мы могли заметить 2-3 максимально фонологически контрастных окончания, например: *юбочка / юбочки / юбочку* или *щеточка / щеточку* и т. п., если вообще можно говорить о контрасте в безударных вокалических окончаниях. Значительное число форм в выборке встречается только по одному разу (681 форма из 1176). Мы не анализируем подробно единичные употребления из-за недостатка места, однако понятно, что они могут иметь разную природу: число некоторых из них возрастет при увеличении выборки, а другие так и останутся редкими.

8. Обсуждение наблюдений и дальнейшее развитие темы

Мы проанализировали сплошную и случайную выборки существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами в неформальной устной речи по материалам НКРЯ. Хотя слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами представляют одну из наиболее частотных и продуктивных моделей (вторую по встречаемости в речи из пяти исследованных), доля диминутивов даже в неформальной устной речи оказалась не так велика, как мы ожидали. Их количество по отношению ко всем существительным не превысило 2 % ни в основном корпусе, ни в устном. Такие данные отчасти расходятся с теми, которые ранее были получены на материале конкретных литературных произведений или в особых условиях коммуникации (см. данные И. Васевой, основанные на сравнении русских и болгарских текстов, а также анализ разговоров матерей с маленькими детьми В. Кемпе и П. Брукс с соавторами, а также мою работу в соавторстве с Е. Ю. Протасовой). Это говорит о том, что употребление диминутивов в большой степени зависит от конкретной ситуации общения и намерений и языковых предпочтений говорящего.

Подробному рассмотрению подверглись 50 наиболее частотных лемм и 68 наиболее частотных форм из нашей выборки. Анализ показывает, что употребление частотных диминутивов часто объясняется семантическими причинами (речь идет об объектах малого размера), прагматическими причинами (употребление в контексте неформального общения, просьбы или в ситуации обслуживания клиента), однако существуют и формы, не поддающиеся внятной семантической или прагматической интерпретации. У 9 из 10 частотных форм с неясной мотивировкой были выявлены редкие финалы, что позволяет предположить, что их постепенная замена на диминутивы в речи служит системно-структурным целям. Унификация финалов позволяет легче членить речевой поток, делает окончания существительных перцептивно выпуклыми, наконец, сами диминутивные суффиксы могут служить для дополнительного маркирования существительных в потоке речи, что облегчает процесс понимания речи в условиях устного общения. Это существенно для русского языка, устная форма которого значительно отличается от письменной.

Описание выделенного списка форм диминутивов (всего более 1000 форм) показывает, во-первых, что эти дериваты обладают богатым набором падежных противопоставлений: 59 из 582 (т. е. более 10 %) выделенных лемм встретились в четырех и более формах. Значительное количество лемм имело набор в 2-3 формы, причем выявленные падежные противопоставления отличались наибольшим фонологическим контрастом флексий (например, *хомячка / хомячки / хомячок*). Сравнительно редкое употребление падежных форм с фонологически «ненадежными» окончаниями (типа *тропинке*) должно быть отслежено более тщательно и тогда получит объяснение; необходимо в дальнейшем сравнить частотность этих флексий с общей частотностью дательного и винительного падежей.

Мы не обнаружили заметной тенденции к сокращению числа падежных форм в зависимости от семантики имен существительных, кроме двух особых случаев такой специализации. В обоих случаях диминутивизация привела к перемещению ударения на конец словоформы, что также является морфонологическим преимуществом некоторых диминутивов м. р.

Количественные данные, приведенные в этой статье, нельзя считать окончательными. Они могут измениться при увеличении объема устного корпуса, однако соотношения и показатели частотности вычислялись с учетом общего объема корпусов и общего количества существительных, так что их можно считать правдоподобными. Примененные здесь подсчеты были сделаны не для окончательного обоснования, а для формулировки общей гипотезы о том, что уменьшительно-ласкательные наименования часто употребляются в речи из-за своих морфонологических преимуществ. Тенденция к унификации финалей, фонологическому контрасту окончаний, закреплению акцентной парадигмы свидетельствует о том, что диминутивы играют существенную роль в поддержании системы падежных противопоставлений в устной речи.

Приложение 1

Список наиболее частотных диминутивных лемм и число их вхождений в порядке убывания

Девчонка	121	Мишка	23	Садик	16	Дырочка	12	Дядька	10
Книжка	101	Столик	20	Городок	15	Звездочка	12	Капелька	10
Картошка	66	Стенка	19	Пирожок	15	Коленка	12	Крестик	10
Трубка	44	Цветочек	18	Свечка	15	Собачка	12	Сковородка	10
Бумажка	36	Шоколадка	18	Солнышко	15	Конфетка	11	Стаканчик	10
Подружка	32	Дырка	17	Водичка	14	Ушко	11	Строчка	10
Ручка	32	Кофточка	17	Печка	14	Шапочка	11	Ступенька	10
Коробка	29	Ножка	17	Чаёк	14	Батончик	10	Тапочка	10
Мальчишка	27	Нянька	17	Яичко	14	Булочка	10	Телик	10
Домик	26	Машинка	16	Баночка	12	Вечерок	10	Тетрадка	10
Кусочек	24	Пакетик	16	Дорожка	12	Детка	10		

Приложение 2

Список наиболее частотных диминутивных форм (types)

Девчонки	51	Домик	18	Чайку	13	Стенку	10	Тапочки	9
Трубку	34	Бумажки	16	Картошки	13	Цветочки	10	Ушки	9
Книжки	31	Девчонок	15	Коробку	13	Шоколадку	10	Дырка	8
Книжку	30	Ложку	15	Парке	13	Вечерком	9	Ручка	8
Девчонка	25	Мишка	15	Солнышко	13	Бумажку	9	Крестик	8
Картошку	25	Кусочек	14	Мальчишки	11	Кофточку	9	Ложки	8
Книжка	22	Подружка	14	Ручку	10	Пакетик	9	Коробки	8
Картошка	20	Столик	14	Пирожки	10	Садик	9	Книжке	8

Коньки	8	Девчонками	7	Водички	7	Конфетку	7	Носки	7
Сапожки	8	Девчонку	7	Городок	7	Мальчишка	7	Сережка	7
Стаканчик	8	Батарейках	7	Ручки	7	Мамочка	7	Собачка	7
Умничка	8	Детка	7	Картошкой	7	Подружки	7	Цветочек	7
Девчонкам	7	Глазки	7	Кружку	7	Половинку	7	Шапочка	7

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Барабаш 2011 — Барабаш Е. На машиночке в светленькое будущее. *Русский журнал*, 2011. [Barabash E. "Na mašinočke v svetlen'koe buduščee". *Russian Journal*, 2011.] URL: <http://www.russ.ru/pole/Na-mashinochke-v-svetlen-koe-budushee>.
- Васева 2006 — Васева И. *Умалителност. Експрессивност. Емоционалност*. София: Авангард Прима, 2006. [Vaseva I. *Umalitelnost. Ekspressivnost. Emocionalnost* [Diminutivity. Expressivity. Emotionality]. Sofia: Avangard Prima, 2006.]
- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. *Русский язык: грамматическое учение о слове*. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. [Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. Grammatical theory of word]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947.]
- Воейкова 2009 — Воейкова М. Д. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов). *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*. Плунгян В. А. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2009, 353–373. [Voeikova M. D. Problems of using the subcorpus of colloquial speech: A case study of Russian diminutives. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009, 353–373.]
- Воейкова 2013 — Воейкова М. Д. Грамматический статус диминутивов в современном русском литературном языке: новые слова или формы слов. *Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации*. Бондарко А. В., Казаковская В. В. (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2013, 122–148. [Voeikova M. D. Grammatical status of diminutives in modern standard Russian: New words or wordforms. *Problemy funktsional'noi grammatiki: printsip estestvennoi klassifikatsii*. Bondarko A. V., Kazakovskaya V. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013.]
- Воейкова 2015 — Воейкова М. Д. *Становление имени. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка*. М.: Языки славянских культур, 2015. [Voeikova M. D. *Stanovlenie imeni. Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka* [Genesis of the nominal. Early stages of acquisition of Russian nominal morphology by children]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Воротников 1988 — Воротников Ю. Л. Милое и малое. *Русский язык в школе*, 1988, 6: 62–66. [Vorotnikov Yu. L. The little and the pretty. *Russkii yazyk v shkole*, 1988, 6: 62–66.]
- Гак 2000 — Гак В. Г. «Гастрономический» диминутив в русском языке. *Активные языковые процессы XX века: тез. докл. междунар. конф. (IV Шмелевские чтения, Москва, 2000 г.)*. М.: Азбуковник, 2000. [Gak V. G. 'Gastronomic' diminutive in Russian. *Aktivnye yazykovye protsessy XX veka: Proc. of the 4th Shmelev readings (Moscow, 2000)*. Moscow: Azbukovnik, 2000.]
- Зализняк 1977 — Зализняк А. А. *Грамматический словарь русского языка*. М.: Русский язык, 1977. [Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian]. Moscow: Russkii Yazyk, 1977.]
- Крысин, Дешериев 1989 — Крысин Л. П., Дешериев Ю. Д. *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*. М.: Наука, 1989. [Krysin L. P., Desheriev Yu. D. *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic aspects of studies of Modern Russian]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Крысин 2003 — Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка. *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2003, 33–78. [Krysin L. P. Forms of existence (subsystems) of the Russian national language. *Sovremennyi russkii yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya*. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003, 33–78.]
- Крысин 2008 — Крысин Л. П. Активные процессы в русском языке конца XX — начала XXI веков. *Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки славянской культуры,

- 2008, 13–32. [Krysin L. P. Active processes in Russian of late 20th — early 21st century. *Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov*. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2008, 13–32.]
- Либерт 2017 — Либерт Е. А. *Диминутив в западногерманских языках*. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. [Libert E. A. *Diminutiv v zapadnogermanskikh yazykakh* [Diminutive in West Germanic]. Novosibirsk: Novosibirsk Univ. Press, 2017.]
- Миронов 2001 — Миронов С. А. *Нидерландский (голландский) язык*. Калуга: Издательский дом «Эйдос», 2001. [Mironov S. A. *Niderlandskii (gollandskii) yazyk* [The Dutch language]. Kaluga: Eidos, 2001.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Поливанова 1967/2008 — Поливанова А. К. Образование уменьшительных существительных мужского рода. *Общее и русское языкознание: Избранные работы*. Поливанова А. К. (Orientalia et Classica, XVII.) М.: РГГУ, 2008, 8–23. [Polivanova A. K. Formation of masculine diminutive nouns. *Obshchee i russkoe yazykoznanie. Izbrannye raboty*. Polivanova A. K. (Orientalia et Classica, XVII.) Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2008, 8–23.]
- Протасова 2001 — Протасова Е. Ю. Роль диминутивов в современном русском языке. *Русский язык: система и функционирование*. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2001, 72–88. [Protasova E. Yu. Role of diminutives in Modern Russian. *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovanie*. Tartu: Tartu Univ. Press, 2001, 72–88.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*: В 2 т. Т. I. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980.]
- Русакова 1999 — Русакова М. В. Об одном механизме оформления согласования в атрибутивном словосочетании. *Проблемы детской речи — 1999*. Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 1999 г.). Цейтлин С. Н. (ред.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999, 160–161. [Rusakova M. V. On one mechanism of agreement-marking in attributive construction. *Problemy detskoj rechi — 1999*. Conf. proceedings (St. Petersburg, 1999). Tseitlin S. N. (ed.). St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Press, 1999, 160–161.]
- Русакова 2004 — Русакова М. В. Об окказиональном согласовании в русской разговорной речи. *Русский язык: исторические судьбы и современность*: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, 2004 г.). Труды и материалы. Ремнева М. Л., Дедова О. В., Поликарпов А. А. (сост.). М.: Изд-во МГУ, 2004, 322–323. [Rusakova M. V. On occasional agreement in colloquial Russian. *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*: Proc. of the 2nd international congress of Russian language scholars (Moscow, 2004). Remneva M. L., Dedova O. V., Polikarpov A. A. (comp.). Moscow: Moscow Univ. Press, 2004, 322–323.]
- Русакова 2013 — Русакова М. В. *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoj grammatiki russkogo yazyka* [Elements of anthropocentric grammar of Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Фуфаева 2017 — Фуфаева И. В. *Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2017. [Fufaeva I. V. *Ekspressivnye diminutivy v usloviyakh konkurentsii s neutral'nyimi sushchestvitel'nyimi (na materiale russkogo yazyka)* [Expressive diminutives vs. neutral nouns in Russian]. Ph.D. diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2017.]
- Цейтлин 2009 — Цейтлин С. Н. *Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи*. М.: Языки славянской культуры, 2009. [Tseitlin S. N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on word-formation and inflection in children's speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2009.]
- Ягунова 2008 — Ягунова Е. В. *Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей)*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2008. [Yagunova E. V. *Variativnost' strategii vospriyatiya zvuchashchego teksta (eksperimental'noe issledovanie na materiale russkoyazychnykh tekstov raznykh funktsional'nykh stilej)* [Varying strategies of speech perception: Experimental study with Russian texts of different functional styles]. Perm: Perm Univ. Press, 2008.]
- Bagasheva-Koleva 2013 — Bagasheva-Koleva M. Some correlates between diminutive words in Bulgarian, Russian and English. *Paisii Hilendarski Univ. of Plovdiv — Bulgaria Research Papers*, vol. 51, book 1, part B. Plovdiv: Paisii Hilendarski Univ. of Plovdiv, 2013, 138–147.
- Bagasheva-Koleva 2014 — Bagasheva-Koleva M. The case of lexicalized diminutive nouns in some Slavic languages. *Ezici na pametia v literaturniya tekst* (Languages of memory in the literary text). Veliko Turnovo: Faber Publishing House, 2014, 619–626.

- Bratus 1969 — Bratus B. V. *The formation and expressive use of diminutives*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1969.
- Dragulescu, Arendt 2018 — Dragulescu A. A., Arendt C. *xlsx: Read, Write, Format Excel 2007 and Excel 97/2000/XP/2003 Files. R package version 0.6.1*. 2018. URL: <https://cran.r-project.org/package=xlsx>.
- Dressler 1989 — Dressler W. U. Prototypical differences between inflection and derivation. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 1989, 42: 3–10.
- Dressler, Korecky-Kröll 2015 — Dressler W. U., Korecky-Kröll K. Evaluative morphology and language acquisition. *Edinburgh handbook of evaluative morphology*. Grandy N., Körtvélyessy L. (eds.). Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2015, 134–140.
- Dressler, Merlini Barbaresi 1994 — Dressler W. U., Merlini Barbaresi L. *Morphopragmatics. Diminutives and intensifiers in Italian, German, and other languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
- Dressler, Merlini Barbaresi 1999 — Dressler W. U., Merlini Barbaresi L. Morphopragmatics. *Handbook of pragmatics*. Verschueren J., Östman J.-O., Blommaert J., Bulcaen C. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1999, 1–14.
- Dressler, Merlini Barbaresi 2001 — Dressler W. U., Merlini Barbaresi L. Morphopragmatics of diminutives and augmentatives: On the priority of pragmatics over semantics. *Perspectives on semantics, pragmatics and discourse: A Festschrift for Ferenc Kiefer*. Kenesei I., Harnish R. M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001, 43–58.
- Gillis 1997 — Gillis S. The acquisition of diminutives in Dutch. *Studies in pre- and protomorphology*. Dressler W. U. (ed.). Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997, 165–179.
- Jurafsky 1996 — Jurafsky D. Universal tendencies in the semantics of the diminutive. *Language*, 1996, 72: 533–578.
- Kempe, Brooks 2005 — Kempe V., Brooks P. J. The role of diminutives in the acquisition of Russian gender: Can elements of child-directed speech aid in learning morphology? *Language Learning*, 2005, 55(1): 139–176.
- Kempe et al. 2001 — Kempe V., Brooks J. P., Pirott L. How can child-directed speech facilitate the acquisition of morphology? *Research on child language acquisition: Proc. of the 8th Conf. of the International Association for the Study of Child Language*. Almgren M., Barrena A., Ezeizabarrena M.-J., Idiazabal I., MacWhinney B. (eds.). Medford (MA): Cascadilla Press, 2001, 1237–1247.
- Kempe et al. 2003 — Kempe V., Brooks J. P., Mironova N., Fedorova O. Diminutivization supports gender acquisition in Russian children. *Journal of Child Language*, 2003, 30(2): 471–485.
- Kempe et al. 2007 — Kempe V., Brooks J. P., Gillis St. Diminutives provide multiple benefits for language acquisition. *The acquisition of diminutives: A cross-linguistic perspective*. Savickienė I., Dressler W. U. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007, 319–342.
- Olmsted 1994 — Olmsted H. Diminutive morphology of Russian children: A simplified subset of nominal declension in language acquisition. *Alexander Lipson. In memoriam*. Gribble C. E. (ed.). Columbus (OH): Slavica Publ., 1994, 165–207.
- Protassova, Voeikova 2007 — Protassova E. Ju., Voeikova M. D. Diminutives in Russian at the early stages of acquisition. *The acquisition of diminutives: A cross-linguistic perspective*. Savickienė I., Dressler W. U. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007, 43–72.
- R Core Team 2013 — R Core Team. *R: A language and environment for statistical computing* [Digital resource]. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL: <http://www.r-project.org/>.
- Roussakova 2004 — Roussakova M. V. Russian diminutive/hypocoristic adjectives: Between inflection and derivation. *11th International Morphology Meeting*. Abstracts. Vienna, 2004, 132–133.
- Savickienė 2003 — Savickienė I. *The acquisition of Lithuanian noun morphology*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003.
- Savickienė 2007 — Savickienė I. Form and meaning of diminutives in Lithuanian child language. *The acquisition of diminutives: A cross-linguistic perspective*. Savickienė I., Dressler W. U. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007, 13–42.
- Savickienė, Dressler 2007 — Savickienė I., Dressler W. U. (eds.). *The acquisition of diminutives: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Schiller 2007 — Schiller M. *Pragmatik der Diminutiva, Kosenamen und Kosewörter in der modernen russischen Umgangsliteratursprache*. (Sprach- und Literaturwissenschaften, 22.) München: Herbert Utz Verlag, 2007.